

держания текста как наносящего вред деловой репутации является бифуркацией, точка которой бессознательно размещена в гармоническом центре исследованного материала.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теоретические основания и практика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
4. Корбут А. Ю. Симметрия и информация в языке и тексте: монография. – Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. – 328 с.
5. Москальчук Г. Г. Структуры текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьев В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2013. – С. 14-76.
6. Национальная философская энциклопедия. Термины. Бифуркация [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/bifurkacija.html> (дата обращения: 10.09.16).
7. Национальная философская энциклопедия. Термины. Флуктуация [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/fluktuacii.html> (дата обращения: 10.09.16).

Огдонова Ц. Ц.

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и методики,
Иркутский государственный университет

«СЛОВАРЬ ГОВОРОВ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИИ

В статье рассматривается «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» как источник для изучения регионального культурно-языкового пространства в рамках дисциплины «Лингвистическое краеведение». Особо значимым с историко-культурной точки зрения является текстовый материал словаря, в котором воплощается уникальная картина мира диалектоносителя-сибиряка.

Ключевые слова: «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири», региональное культурно-языковое пространство, лингвокраеведение, историко-культурный аспект изучения, диалектные особенности, диалектная картина мира.

Key words: «Dictionary of dialects Russian old-timers of Baikal Siberia», regional cultural and linguistic space, linguistic of study of local lore, historical and cultural aspect of study, dialects features, dialects picture of world.

Региональное культурно-языковое пространство как объект изучения лингвистического краеведения – образование внутренне неоднородное: здесь присутствуют нормированный литературный язык; говоры, распространенные на данной территории; жаргоны и социолекты; городское и сельское просторечие; явления смешения и контаминации контактирующих языков и др. Более того, языковая среда региона может включать и такие языковые показатели, как родной язык, язык детства, знание языка этнических партнеров, язык, используемый дома, в образовательном учреждении, на работе, в общении и т. п. К тому же в понятие регионального культурно-языкового пространства, в зависимости от задач исследования, могут входить и экстралингвистические факты, междисциплинарные явления и понятия, поскольку *лингвокраеведение* – это комплексная (междисциплинарная) наука, возникшая на стыке диалектологии, истории, географии, культурологии, социолингвистики, этнолингвистики и др. наук.

В соответствии с вышесказанным *лингвокраеведение* в широком смысле можно представить как *науку о региональном культурно-языковом пространстве*. Это пространство в динамике определяет региональную языковую ситуацию и имеет два аспекта изучения [4, 181]. Одним из них является историко-культурный аспект, представляющий собой знакомство с традиционной вербальной культурой русских старожилов Байкальской Сибири – «той части русского населения, представители которой убеждены, что их деды и прадеды – местные («здешние», «коренные») жители» [3, 3].

В качестве важнейшего лексикографического источника для реализации историко-культурного аспекта изучения регионального культурно-языкового пространства выступает масштабный труд – «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (далее – Словарь) в 50-ти томах, собранный в условиях естественного бытования традиции Г. В. Афанасьевой-Медведевой на протяжении не одного десятка лет в более чем в полутора тысячах сел и деревень Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятии и Саха (Якутии). Безусловным достоинством источника является то, что «основным методом собирания материала для Словаря стал метод «сосуществования», предполагающий достаточно долгое проживание собирателя среди носителей вербальной культуры, при котором непрерывно и непосредственно фиксируется диалектная речь, устные рассказы в обстановке непринужденного разговора» [3, 5]. В результате многотомный Словарь содержит более 20 тысяч

связных текстов устной народной прозы (народный рассказ, предание, легенда, быличка, бывальщина и др.). Эти тексты приведены без точной фонетической транскрипции, однако передают основные диалектные особенности.

Рассмотрим текст, записанный в 1981 г. Г. В. Афанасьевой-Медведевой от Елены Иннокентьевны Юрьевой (1915 г. р.), проживающей в с. Курья Катангского района Иркутской области.

«Вот был случай, была Дуня Горева'-то, у *их* был брат, Вячеслав был и Георгий. Они ушли на охоту, тоже так же летом это было. Там они по речке жили, по *Тетее*. И вот она пошла, на нее медведь напал. И она притаилась, *ждедалась* как мёртва. Он будет слушать ее, а она притаит дыхание-то, а он свежего *исти* не будет, он пока не проквасит. Он ее *поташил* и зарыл в мох. В мох зарыл, она притаилась, и он в мох зарыл и ушел. Ушел, потом маленько погода, а она говорит, я все ляжу и дышу, слышу, что он опеть идет хрустит. Придет, послушат, я, *грит*, притаю *вздох*-то, он, говорит, послушат и опеть уйдет.

Ну и пришел опеть, наверно, уж *съисти*. Пришел, распаковал ее. И *токо* уж рвать, видно, хотел в куски *ея*, она давай его молить, чтоб *не има'л*. И ты знашь, девка, он *ить* ее не потрогал! Она помолилася ему, уговорила, видно. Он ушел.

И братья тут пришли. Хватилися – ее нету, *оне шобак* и пошли. И *шобаки*-то сражу на него наткнулись. Он недалёко же был. Но и она услышала, что *шобаки* лают и *штрельба*, и закричала она, и *оне* прибежали к ней, и она вот вылезла из этого мохов-то, да они ее вот живу привели. И вот она потом рассказывала: он, говорит, медведь-то, подойдет, говорит, и слушат, наклонится и нюхат, дышу ли я. А я, говорит, притаю *вздох*-то, дыханье-то, в то время-то! Ну и надо же силу иметь такую?! [Курья Катангск. Ирк. (повсем.)]» [2, 181].

Данный текст, как и многие другие, достаточно репрезентативен, т. к. в нем обнаруживаются следующие особенности сибирских говоров.

1. Фонетические:

1) ударный вокализм: на месте [-а-] между мягкими согласными встречается [е]: *опеть*; лексикализованное произношение слова *есть* с ударным [и]: *исти*, *съисти*; слово *недалеко* произносится с ударным [-о-]: *недалёко*;

2) безударный вокализм: наблюдается яканье (*ляжу*), вследствие этого – аканье;

3) консонантизм: долгие твердые шипящие (*ташил*); шепелявенье (смешение свистящих и шипящих согласных) как специфическая черта говоров Иркутской области: *ждедалась*, *шобаки*, *сражу*, *штрельба*.

2. Морфологические:

1) утрата интервокального [-j-] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных: *послушат, слушат, нюхат, знашь, живу, мертва*;

2) личное местоимение *они* в им. п. употребляется с флексией [-e]: *оне*; у личных местоимений 3 лица сохраняется [-j-] при употреблении с предлогами: *у их*; употребление вместо формы *её* – *ея*;

3) произношение [-ся] вместо [-сь] у возвратных глаголов: *притаилася, помолилася, хватилися*;

4) употребление вокализованной формы множественного числа *мохов* вместо формы единственного числа существительного *мох* (*мха*).

В тексте употребляется широко распространенное диалектное слово *имать* в значении «брат, хватать».

Таким образом, в данном примере обнаруживаются основные диалектные особенности, характерные для говоров Байкальской Сибири, сложившихся на севернорусской основе.

Современные тенденции развития лингвистики в лингвокультурологическом направлении приводят к необходимости описания диалектных единиц с учетом их культурно-исторической специфики. В связи с этим историко-культурный аспект изучения языка региона также предполагает рассмотрение текстового материала Словаря как источника, открывающего возможности изучения уникальной картины мира, вербализованной в речи русских старожилов, населяющих Байкальскую часть Сибири.

Диалектная картина мира представляет обобщенный опыт жизни крестьян Сибири, отраженный во всем богатстве и разнообразии сюжетно-тематического состава текстов (среди них мифы, сказки, предания, легенды, тексты об обрядах, обычаях, ритуалах и т. д.). Так, в ходе первичной систематизации материала выявляется ряд лексико-фразеологических фрагментов диалектной картины мира: «Человек и общество», «Природа и географическая среда», «Трудовая деятельность», «Рыболовство и охота», «Земледелие и животноводство», «Строительство», «Семья и семейные отношения», «Жилище и хозяйственные постройки», «Народная кухня и предметы домашней утвари», «Крестьянская одежда и обувь», «Общинные традиции, обряды и обычаи», «Народная этика и педагогика», «Народная медицина» и др.

Особое значение имеют тексты, свидетельствующие о тяготах жизни крестьян во времена Октябрьской революции 1917 г. и постреволюционных событий (коллективизации и раскулачивание, ссылка и каторга), Гражданской войны 1917–1922 гг., Великой Отечественной войны, советской политики «переселения» и «укрупнения сел», в связи со строительством ГЭС и т. д.

«Ноччу, ноччу приходили *агитчики-то* эти, хлеб выгребали. Ой, чё тво-

рили! Даже в *сѣльницах* выгребали хлеб, муку высыпали. Вот чѣ! Как обобирали! Драли дак драли! Все, кто уезжали, собирались и уезжали в други места. А которых доводили до тех пор, что голы оставались <...>. Кулачили, Господи, кулачили! А церковь-то как нарушили-то, иконы-то нарушили. Ой!

Ну, там *от* така Марья Букарёва была. Она *агитчица* была, агитировала всё, ходила. Ей там *кулацки* валенки дали, шубу, шапку. Она прямо что ты! Разоделася! Ну и *кода* сбросили эти колокола, а *женски* стоят и:

– Чтоб тебе, – вот там всяко кляли.

Ой-ой-ой! Как её ругали! Всяко-всяко обзывали (...). А она и говорит:

– А если есть Бог.

Они:

– Чтоб тебя Бог наказал!

А она *гыт*:

– А если Бог есть, пусть меня черви съедят.

И вот она как заболела и заболела. И положили её *под короб*, что *по ей* ползали черви да всяка *бухара*. *Под короб* <...>. Вот что *шевяки-то* возят в колхозах, вот под этот *короб*. И только мать ходила. Мужик даже не ходил, ниhto (...). Мать одна *токо к ей* ходила. И так она под этим *коробом*, *под шевяками-то* помёрла [Лукиново Жигаловск. Ирк. (повсем.)]» [1, 187].

Таким образом, историко-культурный аспект изучения регионального языкового пространства позволяет организовать работу по формированию лингвокраеведческой компетенции студентов, используя в качестве источника уникальный текстовый материал «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Отдельное внимание при этом уделяется заданиям поискового и исследовательского характеров. Например, при освоении понятия «диалектная картина мира» дается задание по выявлению и систематизации диалектной лексики с позиции лингвокультурного анализа; при изучении понятия «лингвокраеведческий текст» – задание на отбор и анализ фрагментов/текстов, отвечающих критериям лингвокраеведческого текста (концептному, дидактическому, тематическому). Анализ таких текстов, знакомство на их основе с языковыми явлениями способствует формированию лингвокраеведческой компетенции студентов и позволяет успешно решать цели и задачи лингвистического краеведения.

Список литературы

1. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / Под ред. Ф. П. Сороколетова. – Т. 1. – Иркутск, 2007. – 576 с.
2. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / Под ред. В. М. Гацака, С. А. Мызникова. – Т. 7. – Иркутск, 2011. – 544 с.

3. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / Под ред. В. М. Гацака, С. А. Мызникова. – Т. 12. – Иркутск, 2013. – 480 с.

4. Огдонова Ц. Ц. Региональное культурно-языковое пространства как объект изучения в лингвистическом краеведении // Проблемы региональной лингвистики: памяти д. ф. н., проф. Т. В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы Междунар. науч. конф. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2013. – С. 181-184.

Подкорытова А. В.

Аспирант, кафедра филологии и методики,
Иркутский государственный университет

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОТГЛАГОЛЬНЫХ КОНВЕРСИВОВ-ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЯ

В статье анализируются производные конверсивы-имена с точки зрения ономаσιологии и когнитивной дериватологии. Идентифицированы две ономаσιологические группы отглагольных конверсивов-имен. Определены особенности деривационно-ономаσιологических процессов в группе со обобщенным значением деятеля: выделена ономаσιологическая модель, дано описание базовых ономаσιологических структур.

Ключевые слова: ономаσιология, конверсивы, отраженная конверсия, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак.

Keywords: onomasiology, conversions, reflected conversion, onomasiological basis, onomasiological sign.

Традиционный подход к семантике языкового знака предполагает исследование последнего с двух принципиальных позиций – семасиологии и ономаσιологии. В рамках данной статьи мы остановимся на ономаσιологическом подходе, когда изучаются способы языкового обозначения тех или иных понятий. «Ономаσιология – теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами» [3].

Первые научные изыскания в области словообразовательных процессов с позиций ономаσιологии были сделаны чешским лингвистом М. Докулилом, который определял специфику создания производного слова как «подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта» [2, 196]. Ономаσιологическая структура производного слова, по концепции М. Докулила, носит «принципиально двучастный характер и складывается из ономаσιологического базиса, которому придан некий ономаσιологический признак» [2,